

Юй Ланьши вложил свою ладонь в руку Чжэн Шаньци. Едва супруг помог юноше сойти на землю, он тут же отпустил его, и они вместе вошли в поместье хоу Чаняна.

Прошло всего три дня с тех пор, как Ланьши покинул отчий дом, но теперь, переступая порог, он ощутил странную отчуждённость, сквозь которую робко пробивались нежность и нежелание расставаться. Он ускорил шаг, направляясь в главную залу.

Маркиз Чанян и фулан Юй уже ждали их. Здесь же были бабушка — почтенная госпожа из дома гуна Инго, второй двоюродный брат и тётушка.

Ланьши замедлил шаг, дожидаясь, пока Чжэн Шаньци поравняется с ним.

Увидев столько родственников разом, молодой человек почувствовал, как по спине пробежал холодок. Скрыв волнение, он вместе с супругом поклонился старшим.

— Зять приветствует тестя.

— Отец, папа!

— Встаньте же, — маркиз Чанян жестом пригласил зятя подняться.

— Благодарю, тесть, — Шаньци безупречно следовал этикету.

Ланьши, не обременяя себя церемониями, тут же подскочил к фулану Юю и крепко обнял его:

— Папа, я так по тебе скучал!

Фулан Юй не ожидал от сына столь бурного проявления чувств. Тот вёл себя совсем не как взрослый замужний человек — скорее как ребёнок, только что вернувшийся с прогулки. «И как мне за него не тревожиться?» — пронеслось в голове у папы.

В голосе его зазвучал напускной укор, но взгляд оставался мягким:

— Ты теперь муж в чужом доме, а всё так же не знаешь меры. Не ровён час, люди засмеют.

— Здесь все свои, кто станет смеяться? Скучать по папе — дело естественное. Даже если я вышел замуж, я навсегда останусь твоим ребёнком, — юноша говорил с обезоруживающей прямотой, теребя фулана за рукав.

Почтенная госпожа Инго рассмеялась:

— Надо же, какой Ланьи стал ласковый. Вспомнилось мне, как ты в детстве ни на шаг не отходил от папы. Когда отцу с папой нужно было уехать по делам и тебя оставляли в нашем поместье, ты так горько плакал — не унять. Звал их день и ночь, никого и слушать не хотел. Даже когда Чансин пытался тебя утешить, ты его за руку укусил.

Он украдкой глянул на Чжэн Шаньцы, чувствуя, как уши начинают гореть от стыда.

— Бабушка, ну это же в детстве было!

Заметив этот мимолётный взгляд, Почтенная госпожа улыбнулась ещё шире.

Маркиз Чанян негромко кашлянул:

— В Министерстве чинов сказали, когда тебе надлежит отбыть к месту службы?

Тот почтительно сложил руки:

— Скорее всего, в ближайшие два дня.

Свадьба закончилась, и медлить более не имело смысла. В те времена путешествия занимали недели, и если отправиться сейчас, он прибудет в уезд Синьфэн как раз к началу осеннего сбора урожая. Жатва для уезда — дело первостепенной важности: народ считает пищу своим небом. От урожая зависела не только сытость людей, но и налоги. В Великой Янь налог составлял одну тридцатую часть, но помимо него существовали подати и трудовая повинность. Всё это составляло отчётность уездного начальника, и здесь нельзя было допускать ни малейшей ошибки.

— Что ж, пора в путь. В тех краях наши руки не дотянутся, чтобы помочь, так что в Синьфэне тебе придётся действовать осмотрительно. Не стремись к великим свершениям, главное — не совершай оплошностей.

Хоу-е хотел добавить что-то ещё, но, взглянув на домочадцев, помедлил.

— Пойдём в кабинет, поговорим. А Ланьи пусть поболтает с бабушкой и папой.

— Идите, идите, — напутствовала Почтенная госпожа.

Шаньцы последовал за тестем. В кабинете слуги подали чай и почтительно удалились.

Комната была просторной, полки ломились от аккуратно расставленных книг. Молодой человек присел сбоку.

Хозяин дома заговорил прямо:

— Есть вещи, которые не стоит обсуждать при всех. Ты не задержишься в Синьфэне навсегда. Если за время твоего правления не случится мятежей, а народ не отправится в столицу с жалобами, можешь быть спокоен. Я не позволю тебе провести там всю жизнь.

В его словах сквозила типичная логика сильных мира сего. Если в столице есть покровитель, продвижение по службе даётся легче, чем простым смертным. Однако нельзя просто так перевести уездного начальника в Шэнцзин и сделать столичным чиновником без веских оснований. А если на репутации такого чиновника окажется пятно, задача усложнится в стократ — не могут же все вокруг закрыть глаза на правду. Продвигать человека с дурной славой было противно и самому маркизу.

Даже если бы Шаньцы не отличался особым умом, маркиз Чанян ради спокойствия Ланьи приложил бы все усилия при дворе. К тому же Юй Чансин всегда был подле императора. Если в подходящий момент он замолвит словечко о зяте, так, чтобы имя засело в памяти государя, тот непременно проявит любопытство.

А недооценивать любопытство императора — большая ошибка. Владыка Поднебесной видел всё и вся, и далеко не каждый чиновник, являющийся во дворец Цзиньлуань, удостоивался чести быть узанным.

Государь помнил лишь своих приближённых и столпов империи. Первые были ему опорой и друзьями, вторые — талантами, чьи способности перевешивали любые недостатки характера, даже те, что не нравились императору.

Император Умин правил твёрдой рукой и презирал льстецов. К евнухам он мог проявлять благосклонность, но от чиновников требовал дела, а не пустых похвал.

Тот кивнул:

— Я всё понимаю, тесть.

Тесть удовлетворённо кивнул. Пока Шаньцы не лезет на рожон, он сможет его защитить. А что до того, чтобы он сам выслужил повышение из Синьфэна... кто знает, сколько лет на это уйдёт.

Судя по результатам экзаменов, Чжэн Шаньцы не был гением. Чжуаньюань, баньянь и таньхуа первой ступени сразу попадали в академию Ханьлинь, становясь кандидатами в министры. У цзиньши второй ступени карьера тоже складывалась успешнее, чем у тех, кто оказался на третьей. Итоги экзаменов были стартовой чертой, и для многих должность уездного

начальника становилась потолком — такова была ограниченность их потенциала.

К примеру, те, кто занял первые места, получали назначения в богатые уезды. Там было легче показать результаты, которые становились кратчайшим путём к вершинам власти.

Юноша не стал бросаться громкими словами о том, что добьётся всего сам. Это выглядело бы либо как бахвальство, либо как чёрная неблагодарность. Он понимал: любые речи сейчас блёкнут перед делом. Он докажет всё своими поступками.

— Как вы ладите с Ланьи? — заговорил маркиз, закончив о делах. Он откинулся на спинку кресла, и его суровый вид сменился отеческой заботой.

Шаньцы невольно улыбнулся про себя. Маркиз Чанян и впрямь был любящим отцом, чьё сердце болело за сына.

— Мы прекрасно ладим, тесть, не беспокойтесь.

Тот выслушал ответ, но трудно было сказать, поверил ли он до конца.

— Живите в согласии. Ланьи у нас изнежен, тебе придётся проявить терпение. Он бывает своенравен, но душа у него добрая. В Синьфэне ему поначалу будет непривычно, так что присматривай за ним.

— Я понял, тесть. Мне кажется, Ланьи замечательный. Сказать по правде, я и сам немного тревожусь перед отъездом, не зная, как вести себя с местной знатью. У Ланьи кругозор шире моего, к тому же он — законный сын маркиза. С ним рядом мне будет куда спокойнее.

Уголки губ хозяина дома поползли вверх:

— Вы теперь — единое целое, помогать друг другу — ваш долг. Мы не ждём от вас великих подвигов, просто живите в своё удовольствие, тогда и нам, старикам, будет спокойно.

Тут маркиз вспомнил о родителях зятя:

— Если свату понадобится какая помощь, пиши мне, я что-нибудь придумаю.

Всё же на сердце у него лежал камень: сын женился, а его родные не смогли приехать. Он похлопал Шаньцы по плечу:

— Путь мужчины лежит за пределами родного дома. Раз ты выбрал стезю учёного, то понимал, что придётся покинуть родителей.

Впрочем, зять теперь в столице, и если он хочет лучшей доли, то неизменно вернётся сюда.

Коль мать слаба — в торговцы путь, коль тянет бабушка — в советники; коль знатен род — в родных краях покой, а коли беден — на чужбине век. [1]

Шаньцы едва заметно улыбнулся:

— Вы правы, тесть. Я не слишком привязан к местам, скорее лишь к людям, что остались там.

В его голосе проскользнула редкая грусть. В своём прошлом мире он привык быть рассудительным, стойким и независимым, не видя в этом ничего странного. Но видя, как искренне добра к нему семья Ланьи, он почувствовал в душе укол тихой зависти.

Хозяин дома был гораздо старше и уловил эту мимолётную тень в его взгляде. Он приобнял зятя за плечо и негромко произнёс:

— Отныне считай это место своим домом. Раз ты стал мужем в нашей семье, значит, мы теперь — родня.

Шаньцы почтительно поблагодарил его за теплоту.

Закончив разговор, маркиз пригласил гостя в сад, чтобы сыграть партию в го, и тот, разумеется, составил ему компанию.

Семья маркиза Чаняна по меркам столицы была немногочисленной. Хозяин дома наследовал титул как старший сын, остальные же его братья служили на границе. Фулан Юй поддерживал связь только с основной ветвью дома гуна Инго, не жалуя вниманием детей от наложниц. В самом же поместье подрастали лишь Юй Чансин, Юй Ланьи и Юй Шиянь.

Вспомнив о Юй Шияне — главном герое романа, Шаньцы припомнил и его мстительный нрав. Сейчас Ланьи его не трогал, так что Шиянь вряд ли станет строить козни. Судя по сюжету, Шиянь и Е Юньчу всё ещё находились на стадии взаимных симпатий, перемежающихся размолвками.

Увидев, как чёрные камни тестя пошли в атаку, он сосредоточился. Нельзя было допустить, чтобы тот заметил, как зять поддаётся.

Мастерство маркиза было не безупречным, но вполне достойным. Игра шла на равных, и азарт так захватил его, что они начали партию за партией.

Тем временем фулан Юй, Юй Ланьи, Почтенная госпожа и Хэ Мин прогуливались по саду. Пока Хэ Мин был рядом, о сокровенном спрашивать не решались, поэтому папа заговорил о

самом важном:

— Шаньцы хорошо к тебе относятся?

— Вполне, — ответил Ланьи. — Прошло всего три дня, трудно сказать наверняка, но пока мне живётся очень вольно. Он ни в чём меня не стесняет, сам же просто любит в тишине почитать книги.

Сердце фулана Юя наполнилось одновременно радостью и тревогой:

— То, что зять любит книги — хорошо, но вы же молодожёны, как можно всё время проводить за чтением? Супруги в первые дни должны быть неразлучны. Это меня беспокоит.

Юноша негромко кашлянул:

— Папа, он скоро вступает в должность, на душе у него беспокойно, вот он и ищет утешения в книгах. Я его понимаю. В конце концов, карьера важнее, а впереди у нас ещё вся жизнь. Путь наш будет долгим, мы всё успеем.

Едва эти слова сорвались с его губ, вокруг воцарилась тишина.

На лице папы отразилось крайнее изумление, Почтенная госпожа вскинула брови, а лицо Хэ Мина и вовсе стало странным.

Юй Ланьи замер.

«Я что, сказал что-то не то?»

<http://bllate.org/book/15809/1428123>